

УДК 159.922.1

*И.В. Павлов***ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК
ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ
С ОБРАЗАМИ РЕАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО ОТЦА**

Публикация посвящена описанию результатов эмпирического исследования взаимосвязи образа реального и образа идеального отца, особенностей идентификации с данными образами у юношей и девушек из полных и неполных семей. Поставлена проблема понимания роли образа отца и роли образа идеального отца в развитии личности на этапе ранней юности. Эмпирически доказано, что характер образа реального отца является взаимосвязанным с типом семьи (полная/неполная), в то время как характер образа идеального отца не имеет такой взаимосвязи. Показано, что образ идеального отца является более позитивным, чем образ реального отца, однако не за счет идеализации первого, а за счет более критичного восприятия юношами и девушками второго. Выявлено, что юноши и девушки вне связи с типом семьи демонстрируют большую идентификацию с позитивным образом реального отца, чем с негативным или амбивалентным. При этом образ идеального отца может компенсировать негативный образ реального отца, выступая более важным объектом для идентификации.

Введение

Понимание взаимосвязи образа родителя и образа идеального родителя является важной в контексте анализа механизмов внутрисемейной социальной перцепции и особенностей личностного развития детей на разных возрастных этапах. Наиболее изученным является образ матери и представление о материнской фигуре у детей и взрослых. Менее изученным является образ отца и его взаимосвязь с образом идеального отца, роль обоих образов в становлении и развитии образа «Я» у детей, подростков, юношей и девушек. При этом ряд исследователей [1; 3; 4; 8; 9] обращают внимание на то, что образ отца и образ идеального отца играет немаловажную роль в личностном развитии как в детских возрастах, так и во взрослости.

Образ отца и образ идеального отца иногда рассматриваются исследователями в качестве «прообразов» идеального мужчины у девушек и образа самого себя у юношей. Существует мнение, что присущие отцу качества бессознательно переносятся на образ идеального мужчины – данный феномен в литературе получил название «сексуальный импринтинг» [4]. Поэтому девушки в основном выбирают партнеров, наиболее соответствующих образу идеального мужчины, который, в свою очередь, формируется у них в результате взаимоотношений с собственными отцами. Так, например, в исследовании Е.М. Пудловской была выявлена корреляция между образом отца и образом идеального мужчины у девочек 13–14 лет и у девушек в возрасте 20–21 года [9]. Автор делает вывод о том, что оценка реального отца оказывает влияние на присутствующий в сознании девушек идеальный образ мужчины, при этом образ отца является важной характеристикой, позволяющей проводить межличностную категоризацию представителей мужского пола, является своеобразной призмой, сквозь которую происходит оценка качеств реальных мужчин. Девушки в основном ищут мужчин, наиболее полно соответствующих образу идеального партнера, который у них формируется на бессознательном уровне, то есть, полагает автор, они неосознанно осуществляют выбор того или иного мужчины. В.А. Мусаткина также считает, что отец для дочерей является первым объектом противоположного пола и фиксируется в идеальной модели мужчины, формируя представление о мужчинах в целом, влияя на последующие отношения дочери с противоположным полом [4]. В исследовании О.А. Беловой и О.В. Цесаренко показано, что у девушек подросткового возраста идеальный образ партнера обладает боль-

шим числом качеств, присущих отцу, у них образ отца и образ идеального партнера сильнее взаимосвязаны, чем у мальчиков-сверстников [1].

Однако не все исследователи учитывают внутрисемейный контекст взаимоотношений между детьми и родителями, тип семьи и ряд других переменных, которые могут оказывать влияние на характер образа отца, образа идеального отца, образа идеального партнёра, а также опосредовать взаимосвязи между данными образами. Например, в исследовании Э.Ф. Ким было выявлено, что образ отца в сознании взрослых детей связан со стилем воспитания родителя [3]. Кроме того было показано, что образы отца и идеального отца по ряду показателей не совпадают друг с другом, и сделано предположение о том, что образ идеального родителя передает представления ребенка просто об идеальном человеке без дифференциации по полу и семейной роли. Результаты нашего исследования, опубликованные ранее [6; 7; 11], также показывают, что образ реального отца в юношеском возрасте рядом когнитивных и аффективных характеристик связан с типом семьи, которая может быть полной либо неполной.

Поэтому представляется важным изучение того, как взаимосвязаны между собой образ отца и образ идеального отца, а также образ «Я» с учетом типа семьи. Нами было предпринято исследование, направленное на изучение данной взаимосвязи в юношеском возрасте. Мы предположили, что образ отца и образ идеального отца могут являться объектами для идентификации на данном возрастном этапе. Однако мера выраженности идентификации связана с определенными характеристиками образа реального отца и идеального отца.

Организация исследования

В качестве метода исследования был выбран репертуарный тест личностных конструктов, разработанный Дж. Келли [10]. Методика проводилась индивидуально с использованием карточек и заполнением репертуарной решетки. Перечень персонажей, предлагавшийся испытуемым, был разработан в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ролевым спискам, и включал 14 элементов, например: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «Папа», «Человек, похожий на идеального отца» и др. Относительно каждого конструкта, выбранного респондентом для оценки персонажей, мы спрашивали, какое из двух качеств, выступающих полюсами конструкта, является для него более предпочтительным, что позволило определить субъективную значимость и аффективную нагрузку каждого качества с точки зрения участника исследования. Качества (полюса конструкта), которые испытуемый выбирал как предпочитаемые, мы условно называли привлекательными, противоположные качества – непривлекательными.

Важным аспектом описываемого исследования является то, что мы изучали не абстрактный и/или собирательный образ идеального отца, а образ, в котором преломляется личность конкретного человека, по мнению испытуемого наиболее соответствующего данной роли. Испытуемым предлагалось выбрать на роль «Человека, похожего на идеального отца» знакомого из опыта общения человека, который воплощает в себе их представления об идеальном отце. На наш взгляд, описанный подход к изучению образа идеального отца имеет ряд преимуществ. Образ идеального родителя, как и любого другого человека, успешно выполняющего определенную семейную или социальную роль, как правило, формируется в результате межличностных отношений и в совместной деятельности [2; 5]. Такой образ является результатом отражения конкретных людей, которые воплощают в своих личностных характеристиках, особенностях поведения и деятельности представления индивида об идеале. В нашем исследовании мы учли данную особенность, предложив испытуемым выбрать на роль идеального отца конкретного человека, иначе бы мы могли актуализировать у них абстрактный, нереалистичный или фантазийный образ идеального отца, не связанный с реальным кругом об-

щения. Нам важно было изучить именно реалистичный образ идеального отца и сопоставить его с образом биологического отца.

Полученные в ходе исследования первичные данные подвергались математико-статистической обработке с помощью следующих методов: сравнение средних значений, вычисление квантилей распределения, вычисление критерия U Манна–Уитни для независимых выборок и критерия-Т Вилкоксона для зависимых выборок, критерия φ^* (угловое преобразование Фишера) и коэффициента взаимной сопряженности Пирсона. Выборку исследования составили 107 юношей и девушек в возрасте 16–18 лет: учащиеся гимназий, средних образовательных школ, I–II курса колледжа и I курса университета. Из них 56 юношей и девушек проживают в полных семьях, 51 юноша и девушки проживают в неполных семьях с матерями.

Сравнение образов реального и идеального отца по направленности и степени аффективной нагрузки

Нами были изучены такие характеристики образа реального отца и образа идеального отца как направленность и степень аффективной нагрузки. *Направленность аффективной* нагрузки оценивалась по соотношению привлекательных и непривлекательных качеств, приписанных испытуемым образу реального и образу идеального отца: преобладание привлекательных качеств послужило основанием для суждения о позитивной направленности образа реального/идеального отца, преобладание непривлекательных качеств – критерием негативной направленности. В ряде случаев соотношение первых и вторых качеств являлось примерно одинаковым, поэтому такой образ реального/идеального отца был нами оценен как амбивалентный. *Степень аффективной нагрузки* оценивалась, исходя из количественной выраженности в образе тех или иных качеств, в результате чего были выделены две степени позитивности (позитивная и крайне позитивная) и две степени негативности (негативная и крайне негативная) образа реального/идеального отца. С помощью процедуры вычисления квантилей распределения была построена классификация образов реального/идеального отца по выделенным характеристикам, включающая пять типов: крайне позитивный, позитивный, амбивалентный, негативный и крайне негативный образы.

Выяснилось, что вне связи с типом семьи у всех участников исследования в образе идеального отца число привлекательных качеств значительно превышает число непривлекательных качеств ($p < 0,005$). Большинство испытуемых имеют позитивный (45,5% юношей и 56,3% девушек из *полных семей*; 59,1% юношей и 55,2% девушек из *неполных семей*) и крайне позитивный (36,3% юношей и 28,1% девушек из *полных семей*; 36,4% юношей и 27,6% девушек из *неполных семей*) образы идеального отца. Лишь в единичных случаях образ идеального отца у юношей и девушек представлен негативным или амбивалентным содержанием. Кроме того, юноши и девушки из обоих типов семей не отличаются друг от друга по характеру распределения различных типов образа идеального отца. Это позволяет говорить о том, что образ идеального отца такими характеристиками, как направленность и степень аффективной нагрузки, не связан с типом семьи и половой принадлежностью в раннем юношеском возрасте.

Образ реального отца по анализируемым показателям, напротив, оказался взаимосвязан с типом семьи и половой принадлежностью испытуемых. В его содержании число привлекательных качеств достоверно превышает число непривлекательных качеств у всех испытуемых из *полных семей* ($p < 0,005$ для юношей и $p = 0,05$ для девушек), а также у юношей из *неполных семей* ($p < 0,05$). Отличной от других является группа девушек из *неполных семей*, у которых в образе реального отца число непривлекательных качеств достоверно превышает число привлекательных качеств ($p < 0,05$). В данной группе девушек образ реального отца чаще бывает негативным и реже позитивным.

тивным, чем в группе девушек из *полных семей* и в группе юношей из обоих типов семей. Юноши из *полных* и *неполных семей* статистически значимо не отличаются друг от друга по направленности и степени аффективной нагрузки образа реального отца, тип семьи и тип образа реального отца у данной категории испытуемых не связаны друг с другом. Только у девушек выявлена умеренная корреляция между типом семьи и типом образа реального отца (коэффициент сопряженности Пирсона равен 0,340 при $p < 0,05$).

Сопоставление образа реального отца и образа идеального отца по направленности и степени аффективной нагрузки показывает, что у всех испытуемых образ идеального отца чаще бывает позитивным и реже негативным по сравнению с образом реального отца ($p < 0,05$), что вполне объяснимо. Однако более детальный сравнительный анализ позволил выявить некоторые особенности, касающиеся различий между двумя образами. Выяснилось, что у всех испытуемых, за исключением девушек из неполных семей, образ реального отца отличается от образа идеального отца только числом непривлекательных качеств ($p < 0,005$), в то время как по числу привлекательных качеств они не имеют значимых отличий ($p > 0,05$). То есть юноши и девушки приписывают человеку, воплощающему их представления об идеальном отце, и своему реальному отцу одинаковое число привлекательных качеств, но при этом реальному отцу приписывается больше непривлекательных качеств. И только у девушек из неполных семей образ идеального отца на уровне статистической тенденции содержит больше привлекательных качеств, чем образ реального отца ($p = 0,07$ по критерию U Манна–Уитни). Мы можем предположить, что образ идеального отца не только или не столько подвергается идеализации юношами и девушками за счет приписывания ему большего числа привлекательных качеств, сколько образ реального отца оценивается более критично, в его содержании привлекательные качества (которых не меньше, чем в образе идеального отца) «разбавляются» непривлекательными качествами. И только девушки из неполных семей склонны приписывать идеальным отцам действительно больше привлекательных качеств, чем реальным отцам.

Особенности идентификации с образами реального и идеального отца у юношей и девушек из полных и неполных семей

Идентификация с реальным и идеальным отцом оценивалась по показателю субъективного сходства каждым из названных образов и образом «Я» испытуемого, представленного тремя временными модальностями («Я в прошлом», «Я в настоящем» и «Я в будущем»). Рассмотрение образа «Я» во временной перспективе позволило изучить не только идентификацию испытуемого в настоящий момент времени с реальным/идеальным отцом, но и ее субъективную динамику. Было выявлено, что все испытуемые, вне связи с типом семьи и половой принадлежностью, демонстрируют увеличение идентификации с образом идеального отца от субъективного прошлого к будущему (рисунок 1).

Наибольший и статистически достоверный сдвиг в значениях идентификации с образом идеального отца наблюдается от субъективного прошлого к настоящему ($p < 0,005$), а затем – от настоящего к будущему значение идентификации остается практически одинаковым. Лишь у девушек из *полных семей* идентификация с образом идеального отца статистически достоверно снижается от настоящего к будущему ($p < 0,05$). То есть испытуемые из данной подгруппы склонны в субъективном будущем видеть меньшее сходство между собой и человеком, похожим на идеального отца, чем в субъективном настоящем.

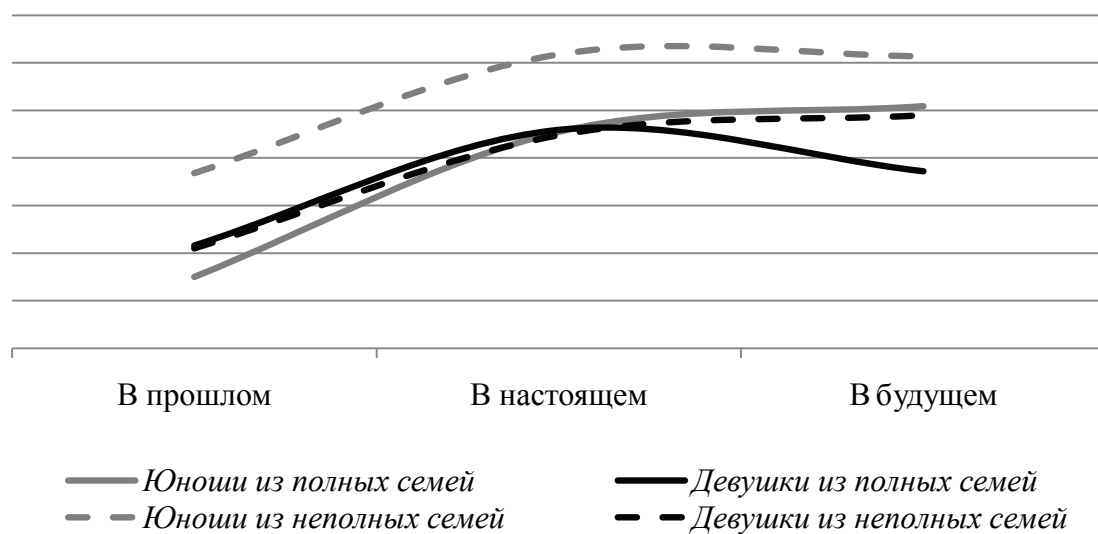

Рисунок 1 – Динамика идентификации с идеальным отцом у юношей и девушек из полных и неполных семей

Для анализа идентификации с реальным отцом юноши и девушки из обоих типов семей были разделены на несколько подгрупп в зависимости от направленности и степени аффективной нагрузки отцовского образа. Рассмотрим данные подгруппы отдельно.

1. Юноши и девушки, имеющие крайне позитивный или позитивный образ реального отца. Молодые люди из этой подгруппы вне связи с типом семьи отмечают большее сходство между собой и реальными отцами в субъективном настоящем и в будущем по сравнению с субъективным прошлым. Причем юноши из *полных* и *неполных семей* демонстрируют увеличение идентификации с отцами от субъективного настоящего к будущему, в то время как в женской выборке ее значение достигает своего максимума в субъективном настоящем, а затем остается неизменным у девушек из *полных семей* и немного снижается у девушек из *неполных семей* ($p < 0,01$). В целом юноши из обоих типов семей имеют более высокие показатели идентификации с реальными отцами, чем девушки. Различия, обусловленные половой принадлежностью испытуемых, могут быть объяснены тем, что для юношей мужская фигура, на которую они равняются в настоящем и хотят походить в будущем, является более значимой при формировании представлений о себе. Девушки, представляя себя в будущем, в большей степени ориентируются на женскую, нежели на мужскую фигуру. В структуре идентификации юношей и девушек из полных и неполных семей привлекательные качества значимо преобладают над непривлекательными качествами ($p \leq 0,005$). То есть все они склонны отмечать большее сходство между собой и своими отцами по привлекательным качествам, чем по непривлекательным.

2. Юноши и девушки, имеющие крайне негативный или негативный образ реального отца. Для них характерны крайне низкие значения идентификации со своими отцами. Динамика идентификации от субъективного прошлого к будущему отсутствует. Различий между юношами и девушками из *полных семей*, между юношами и девушками из *неполных семей* по степени идентификации с реальными отцами в субъективном прошлом, настоящем и в будущем не выявлено. В структуре идентификации у всех юношей и девушек содержится примерно одинаковое число привлекательных и непривлекательных качеств, по которым они оценивают себя похожими на отцов (в среднем 1–2 качества). Сравнение испытуемых данной подгруппы с испытуемыми предыдущей

подгруппы показывает, что юноши и девушки, имеющие крайне позитивный и позитивный образ реального отца, демонстрируют более высокую идентификацию с ним в субъективном настоящем и в будущем, чем сверстники, имеющие крайне негативный и негативный отцовский образ ($p < 0,005$).

3. Юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца. Как и испытуемые предыдущей подгруппы, юноши и девушки, у которых отцовский образ является амбивалентным, отмечают примерно одинаковое сходство между собой и своими отцами в субъективном прошлом, настоящем и в будущем, динамика идентификации с отцами отсутствует. Юноши и девушки из обоих типов семей по числу качеств, приписанных одновременно себе и отцу, не отличаются. В структуре идентификации число привлекательных качеств, приписанных одновременно отцу и себе в прошлом, настоящем и в будущем, у всех испытуемых данной подгруппы превышает число непривлекательных качеств. То есть юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ отца, оценивают сходство с ним чаще по привлекательным качествам и реже по непривлекательным. Но разница между первыми и вторыми качествами в структуре идентификации с отцом не всегда является статистически значимой: в *полных семьях* у юношей число привлекательных качеств, приписанных одновременно отцу и себе, превышает число непривлекательных качеств только в субъективном настоящем ($p = 0,01$) и в будущем ($p < 0,01$), у девушек – только в субъективном будущем ($p = 0,05$); в *неполных семьях* у юношей число привлекательных качеств превышает число непривлекательных качеств лишь в субъективном будущем ($p = 0,05$); у девушек – в субъективном прошлом ($p = 0,05$) и в будущем ($p < 0,05$).

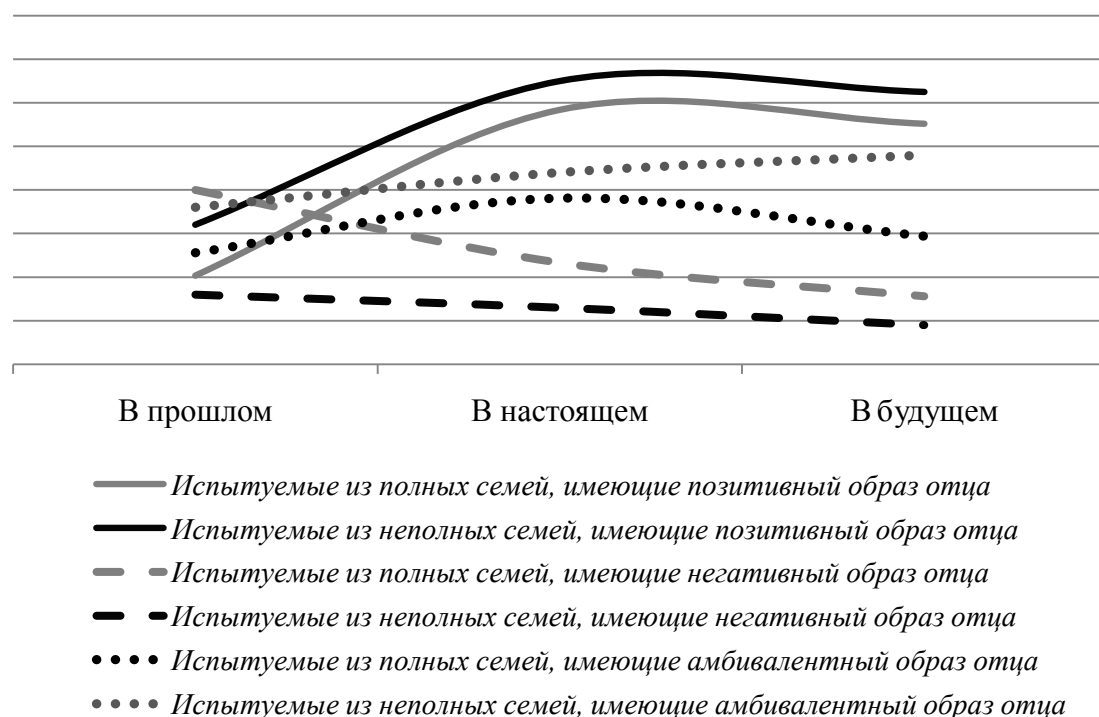

Рисунок 2 – Динамика идентификации с реальным отцом у юношей и девушек из полных и неполных семей в зависимости от типа отцовского образа

Если сопоставить данную подгруппу испытуемых с двумя предыдущими (рисунок 2), можно увидеть, что испытуемые с амбивалентным образом реального отца занимают промежуточное положение между юношами и девушками, имеющими крайне позитивный или позитивный образ реального отца, и юношами и девушками, имеющими крайне негативный или негативный образ реального отца по степени идентификации с отцами в субъективном настоящем и в будущем. То есть они в меньшей степени идентифицируются с отцом по сравнению с первыми, и в большей степени идентифицируются с отцом по сравнению со вторыми. Поэтому мы полагаем, что юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца, образуют отдельную группу молодых людей, которых нельзя однозначно охарактеризовать как более или менее идентифицирующихся с отцами по сравнению со сверстниками, имеющими позитивный или крайне позитивный и негативный или крайне негативный образ реального отца.

Сравнение идентификации с образами реального и идеального отца у юношей и девушек из полных и неполных семей

Далее мы сравнили идентификацию юношей и девушек с реальным отцом и идентификацию с идеальным отцом в зависимости от степени и направленности аффективной нагрузки образа реального отца. В *полных семьях* существенные различия между идентификацией с образом реального отца и идентификацией с образом идеального отца отсутствуют как у испытуемых, имеющих негативный или крайне негативный отцовский образ, так и у испытуемых, имеющих амбивалентный и позитивный или крайне позитивный отцовские образы. В целом эти юноши и девушки в одинаковой степени идентифицируются с реальным отцом и идеальным отцом в субъективном прошлом, настоящем и в будущем.

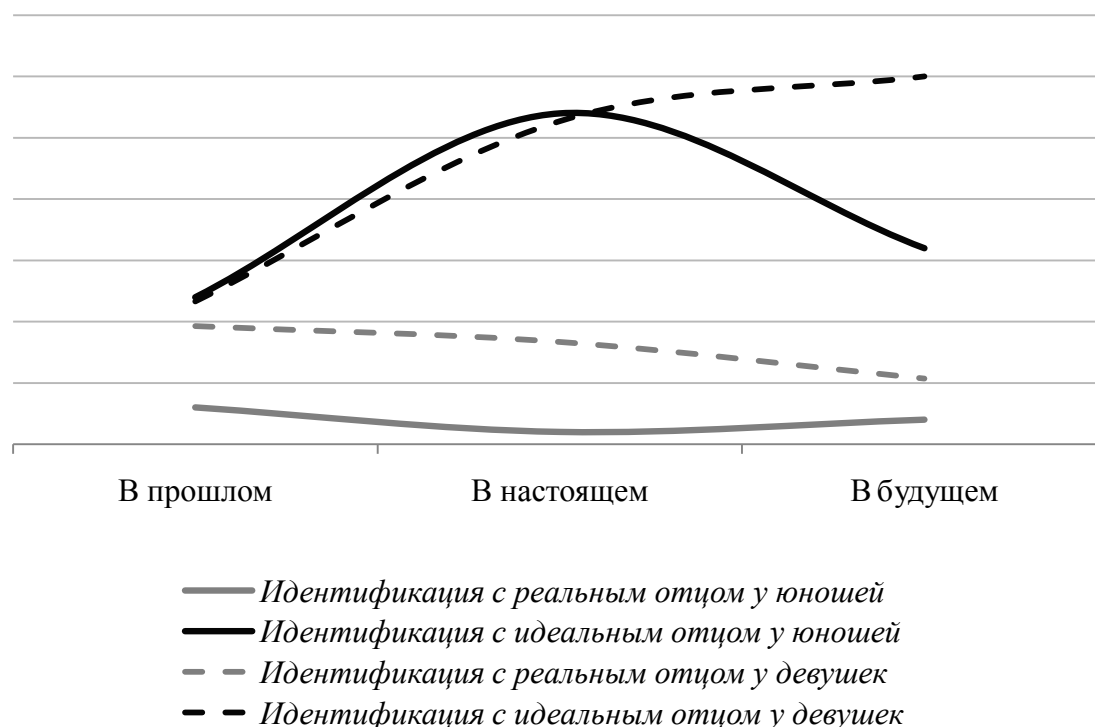

Рисунок 3 – Динамика идентификации с реальным и идеальным отцом у юношей и девушек из неполных семей, имеющих негативный и крайне негативный отцовский образ

В подгруппе испытуемых из *неполных семей* различия в идентификации с образами реального и идеального отца являются более выраженными именно у тех юношей и девушек, которые имеют негативный или крайне негативный отцовский образ (рисунок 3). Юноши, имеющие такой образ реального отца, идентифицируются с ним в субъективном прошлом, настоящем и в будущем меньше, чем с образом идеального отца ($p < 0,05$). Юноши с амбивалентным образом реального отца на уровне тенденции идентифицируются с ним в меньшей степени, чем с образом идеального отца в субъективном настоящем ($p < 0,1$) и достоверно меньше в субъективном будущем ($p < 0,05$). При этом юноши, имеющие позитивный или крайне позитивный образ реального отца, видят между собой и ним в субъективном настоящем даже большее сходство, чем между собой и образом идеального отца ($p < 0,05$) и на уровне тенденции в субъективном будущем ($p < 0,1$).

Девушки из *неполных семей*, имеющие негативный/крайне негативный образ реального отца, идентифицируются с ним в субъективном настоящем и будущем достоверно меньше, чем с образом идеального отца ($p < 0,01$). Девушки с амбивалентным образом реального отца в субъективном прошлом идентифицируются с ним в большей степени, чем с образом идеального отца ($p < 0,05$). И девушки с позитивным или крайне позитивным образом реального отца на уровне тенденции склонны видеть большее сходство между собой и ним, чем между собой и идеальным отцом в субъективном настоящем ($p < 0,1$).

Выводы

Описанное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно изученных характеристик образа реального/идеального отца, выступающих в качестве объектов для идентификации в раннем юношеском возрасте.

1. Образ реального отца по направленности и степени аффективной нагрузки связан с типом семьи (полная/неполная) только у девушек. Девушки из неполных семей чаще имеют негативный или крайне негативный образ реального отца. Возможно, они переносят на него негативные установки, заимствованные у матерей, либо обесценивают образ отсутствующего в семье отца. Для юношей как из полных, так и из неполных семей отец, вероятно, является более значимой фигурой, поэтому его образ чаще является позитивным или крайне позитивным, чем у девушек. Источники и механизмы формирования определенного типа образа реального отца у девушек и юношей из неполных семей нуждаются в дополнительном исследовании.

2. Образ идеального отца по направленности и степени аффективной нагрузки не связан с типом семьи и с образом реального отца. Преобладающее большинство юношей и девушек из обоих типов семей имеют позитивный или крайне позитивный образы идеального отца. У юношей и девушек, имеющих негативный или крайне негативный образ реального отца, образ идеального отца все равно является позитивным или крайне позитивным. Скорее всего, на формирование образа идеального отца наличие в семье реального отца не оказывает влияния или не оказывает, по крайней мере, решающего влияния. Образ идеального отца может сформироваться в процессе и в результате межличностных отношений юношей и девушек с другими значимыми людьми, которые могут представлять как семейный, так и внесемейный круг общения.

3. Наибольшее расхождение по направленности и степени аффективной нагрузки между образом реального и образом идеального отца имеется у девушек из неполных семей. Они склонны приписывать своим отцам больше непривлекательных и меньше привлекательных качеств, чем людям, воплощающим их представления об идеальном отце. Остальные юноши и девушки не склонны более высоко оценивать идеальных отцов и чаще приписывать им привлекательные качества, чем реальным отцам, но бо-

лее критично относятся к оценке последних, чаще приписывая им непривлекательные качества. Наибольшее расхождение между образами реального и идеального отца у них наблюдается по числу непривлекательных качеств, составляющих содержание образа.

4. Вне связи с типом семьи позитивный и крайне позитивный образы реального отца в субъективном настоящем и в будущем являются объектами для идентификации у юношей и девушек, а негативный и крайне негативный образы отца, скорее всего, являются объектами для обособления. Юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца, демонстрируют парциальную идентификацию с ним, чаще описывая свое сходство по привлекательным качествам и различия по непривлекательным качествам. Возможно, амбивалентный образ реального отца в силу одинаковой представленности в нем как привлекательных, так и непривлекательных для юношей и девушек качеств препятствует более целостной идентификации.

5. Образ идеального отца выступает объектом для идентификации у юношей и девушек из обоих типов семей. При этом юноши и девушки из полных семей в одинаковой степени идентифицируются с реальным отцом и с идеальным отцом в субъективном прошлом, настоящем и в будущем. Юноши и девушки из неполных семей в зависимости от типа образа реального отца демонстрируют большую либо меньшую идентификацию с идеальными отцами, чем с реальными отцами. В случаях, когда образ реального отца у них является негативным или крайне негативным, позитивный или идеализированный образ идеального отца компенсирует его, выполняя роль объекта идентификации. Однако в тех случаях, когда образ реального отца является позитивным или крайне позитивным, юноши и девушки отмечают большее сходство с ним, нежели с человеком, воплощающим их представления об идеальном отце.

6. Мы можем предположить, что различия между образом реального и образом идеального отца у девушек из полных и неполных семей могут определять характер взаимосвязи обоих образов с образом человека, которого девушки выбирают на роль партнера или рассматривают в качестве любимого человека. В том случае, если образ реального отца является негативным, а образ идеального отца позитивным, при выборе партнера девушки будут в большей степени ориентироваться на образ идеального отца, чем на образ реального отца. У юношей выявленные различия между обоими образами могут быть взаимосвязанными с образом себя в роли отца и в роли партнера. Негативный образ реального отца скорее станет для них объектом обособления, в то время как позитивный образ идеального отца – объектом для идентификации. Однако если образ реального отца является позитивным, именно на него будут в первую очередь ориентироваться юноши, осваивая родительскую и супружескую роли. В целом же идентификацию с позитивным образом реального отца и обособление от негативного образа реального отца можно рассматривать в качестве одного из показателей благополучия юношей и девушек из неполных семей. Данные предположения, конечно, носят гипотетический характер и нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке. Поэтому продолжение исследований в данном направлении является нашей следующей задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова, О.А. Взаимосвязь образа родителя противоположного пола и представлений об идеальном партнере в подростковом возрасте: гендерный аспект / О.А. Белова, О.В. Цесаренко // Вест. Иркут. ун-та : ежегод. науч.-теор. конф. аспирантов и студентов : материалы. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – С. 321–323.

2. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.

3. Ким, Э.Ф. Представления молодых людей о реальных и идеальных родителях / Э.Ф. Ким // Психологическая газета. Профессиональное интернет-издание [Электронный ресурс]. – Дата доступа : <http://www.psy.su/interview/1964>. – Режим доступа : 03.11.2012.

4. Мусаткина, В.А. Образ отца в восприятии русских и китайских девушек (на примере учащихся ВГУЭС) / В.А. Мусаткина // Ойкумена. Религиоведческие исследования. – 2010. – № 2. – С. 78–87.

5. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) ; под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. – СПб. : Речь, 2005. – 324 с.

6. Павлов, И.В. Образ отца в сознании юношей и девушек из неполных и полных семей / И.В. Павлов // Веснік Брэсцкага ўн-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2012. – № 1. – С. 186–198.

7. Павлов, И.В. Обретение индивидуальности через идентификацию и обособление с родителями в раннем юношеском возрасте / И.В. Павлов // Психология индивидуальности : материалы IV Всерос. науч. конф., г. Москва, 22–24 нояб. 2012 г. ; отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо ; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики» ; Рос. гуманитар. науч. фонд. – М. : Логос, 2012. – С. 63.

8. Прилепских, О.А. Образ отца как детерминанта развития представлений о будущем супруге у девушек : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / О.А. Прилепских. – Ставрополь, 2005. – 199 с.

9. Пудловская, Е.М. «Образ отца» как образ идеального мужчины у девушек / Е.М. Пудловская // Наука–2010 : Сб. науч. ст. – Гродно, 2010. – Ч. 2. – С. 134–136.

10. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М. : Прогресс, 1987. – 236 с.

11. Pavlov, I.V. The image of father as the object of identification and differentiation in early adolescence / I.V. Pavlov // Transition psychology : from Personal to Personality-Embedding, Bīletens XX Starptautiskā Vasaras Universitāte, 2012 gada 18–21 jūnijā. – Rīga : Starptautiskā Praktiskās Psihologijas Augstskola, 2012. – Socialo № 26. – P. 87–89.

Pavlov I.V. Features of Identification with Images of the Real Father and Images of the Ideal Father at Young People one- and Two-parent Families

The article deals with a number of studies about the father-image. The results of studying of the image of the real father and image of the ideal father of young people from one- and two-parent families are described. An attempt to introduce an empirical typology of the real and ideal father-image: very positive, positive, ambivalent, negative and very negative is made. It is proved that girls from one-parent families are more often than others have a negative image of the real father. The positive image of the real father and a positive image of the ideal father are objects for identification for young people from one- and two-parent families. The negative image of the real father isn't object for identification.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.09.2013